

Журнал "Вокруг Света"

№7, июль 1962

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №7, июль 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43224-5

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Счастливчик из племени отоми- Самолет не приземлился- Догоны - люди из страны камней- Первая лунная- Новое летосчисление Канимансура

ISBN 978-5-458-43224-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Война, мир... Снова, как тридцать, пятьдесят, сотни лет назад, люди Земли повторяют эти слова.

Подсчитано, что человечество за свою историю, начиная с древнейших известных нам государств, пережило 14 513 войн. В этих войнах погибло 3 миллиарда 640 миллионов человек — на шестьсот с лишним миллионов больше, чем живет сейчас на нашей планете. Только вторая мировая война унесла 45 миллионов человеческих жизней.

Но война не стихийное бедствие. Война — дело рук людей, и люди могут предотвратить ее.

Реликая Октябрьская социалистическая революция — революция созидания, строительства нового общества — выдвинула своим лозунгом: «Мир всему миру». С первых дней своего существования Советское государство начало борьбу за мир и продолжает ее с тех пор последовательно и неотступно.

Ныне на Земле есть общественные и политические

силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания империалистами новой войны. С требованием всеобщего и полного разоружения выступают сегодня миллиардный лагерь социализма, 800-миллионное население нейтральных стран, выступают сотни миллионов сторонников мира в странах капиталистического лагеря. Против войны протестуют видные ученые, религиозные деятели, женщины-матери, молодежь, идущая в первых рядах армии борцов за мир.

Люди Земли все яснее понимают необходимость объединения своих усилий в борьбе против войны. В июле в Москве состоится Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. На этот конгресс приедут делегации сторонников мира, выдающиеся общественные деятели многих стран. К голосу участников этого форума присоединят свои голоса миллионы людей Земли, борющиеся за мир без оружия, без войн, за жизнь счастливую, радостную, светлую.

Земли соберутся в этой северной столице. Молодежь привезет танцы и песни, музыкальные произведения, спектакли и пантомимы, созданные в разных манерах и стилях. Острой будет борьба на художественных конкурсах фестиваля — ведь мастерство исполнителей растет с каждым годом! В них примут участие молодые артисты, танцоры, певцы, инструменталисты. Звание лауреатов фестиваля будут оспаривать вокалисты и хоровые коллективы, исполнители на струнных, духовых и народных инструментах, пианисты, аккордеонисты и оркестры легкой музыки, исполнители народного и классического танца.

Большое место займет показ национального искусства стран Африки, Азии, Латинской Америки. Юноши и девушки Ганы, Гвинеи, Индонезии, Кубы и других молодых республик смогут достойно показать возрождающуюся национальную культуру своих стран.

Юность Земли с каждым днем мужает, растет в борьбе. И кому, как не ей, сказать свое веское слово в великой борьбе сегодняшнего дня, борьбе

за мир,
за разоружение,
за счастье всего человечества!

Б. КРЫМОВ

БОРИС КРАЕВСКИЙ

Пусть цветёт сакура!

Я не коллекционер. Больше того, сотня или две сувениров, что хранятся в одном из ящиков моего сейфа, привели бы в ужас настоящего собирателя. Здесь значки, монеты и марки разных стран, визитные карточки, открытки, измятые листки программ, в углу притаилась крохотная фигурка медвежонка, вырезанная из обломка мамонтова бивня, рядом — звездочка из эбенового дерева, крохотная пластмассовая гитара...

Они очень дороги мне, эти простенькие вещицы. Дороги потому, что с каждой связаны воспоминания о встречах, людях, событиях, с которыми сталкивала меня профессия журналиста.

Сегодня я хочу рассказать историю некоторых сувениров. Вот они лежат передо мной рядом с чистым листом бумаги... Значок — изумрудный листок сакуры, две монеты — одна тусклая и потертая, другая новенькая и блестящая, программа спортивных соревнований с размашистой надписью по-английски.

Вот как они попали ко мне.

* * *

Когда она вышла из своего номера в шумный гостиничный холл, мне подумалось, что ей не больше пятнадцати. Маленькая и хрупкая, с тонкими руками и тонкой шеей, она казалась подростком. И только глаза, большие, черные и глубокие, были печальны по-взрослому.

Позже мы не раз встречались с Нагатай Хисако. Чаще она бывала серьезной, иногда оживленной, иной раз даже улыбалась, но глаза не меняли выражения. Казалось, она навсегда задумалась о чем-то...

Так оно и было. Это «что-то» случилось ясным августовским утром 1945 года. Девочка сидела у окна и готовила уроки, когда над ее родным Нагасаки вспыхнули тысячи солнц. Потом был черный гриб над городом, черный пепел, черная выжженная земля. Улица, утонувшая в зеленых сакуровых садах, превратилась в огромный костер, из которого семилетнюю Нагату вынес на руках ее школьный учитель Анегава. Самое четкое и острое воспоминание того дня — тонкие ветки вишни — сакуры, священного дерева Японии. Минуту назад они тянулись к солнцу, а сейчас корчатся в бушующем пламени...

Нагата больна. В тот день, когда мы встретились впервые, за стенами гостиницы шумела веселая фестивальная Москва, и поэтому особенно резким контрастом звучал рассказ девушки о долгих годах, проведенных в больнице, о том, как врачи боролись за ее жизнь. Было время, когда Нагата лишилась речи, и тогда специалисты сделали для нее металлическое горло. Так вот почему так тихо звучал ее голос!

Но через несколько дней голос Нагаты Хисако, девушки из Нагасаки, услышал весь мир.

Грандиозная манифестация на Манежной площади. «За мир, против атомной смерти!» — кричат многоязычные плакаты. Тысячи факелов освещают трибуну, на которой стоит Нагата. И ее слова — негромкие, почти шепот — радиоволны несут во все страны и континенты. Хрупкая девушка с большими грустными глазами говорит с миром.

— Устали? Тяжелый был день сегодня? — спросил я Нагату поздно вечером в гостинице, куда мы, журналисты, проводили японскую делегацию.

— Нет, — ответила она. — Сегодня великий день. Я верю, что сегодня на земле стало еще больше людей, которые будут бороться с атомной бомбой. И этому помогли фестиваль, Москва и вы все тоже... Спасибо. И возьмите вот это... на память о сегодняшнем дне...

Тут-то и увидел я впервые маленький эмалевый значок.

— Это листок сакуры, — сказала Нагата. — Американские атомные бомбы выжгли сакуровые сады Хиросимы и Нагасаки. Поэтому мы и сделали эмблемой нашего движения против атомной смерти зеленый лист японской вишни. Мы хотим, чтобы сакура цвела мирно, чтобы огонь войны никогда не опалял ее ветвей...

По этим значкам мы видим, кто с нами... Если когда-нибудь приедете к нам на острова, обязательно приколите значок. Увидите, как много друзей у вас появится.

Фестиваль кончился, и я поехал на вокзал, чтобы проводить молодых японцев. На лашкане моего пиджака зеленел листок сакуры. И хоть Ярославский вокзал — не Японские острова, я сразу почувствовал силу изумрудного талисмана. Я стал как бы своим в этой шумной веселой толпе.

Тогда я думал, что вряд ли когда-нибудь снова увижу девушку из Нагасаки. Но ошибся. Приблизительно через год после памятных фестивальных дней стало известно, что Нагата Хисако снова приехала в Москву. Розыски привели меня в одну из столичных клиник.

— К больной нельзя, — сказали мне врачи. — Ей нужен сейчас покой, абсолютный. Операция была не из легких.

Я ее увидел через несколько месяцев, когда она уже выписалась из больницы. И услышал ее голос. Он стал сильным и звонким.

— Если бы вы знали, как я благодарна советским врачам, — говорила девушка. — Они вернули мне голос, мой настоящий голос. Теперь я буду говорить очень громко, так, чтобы меня слышали все, все, все... Я буду говорить, что Хиросима не должна повториться, никогда... Ни за что...

И теперь, когда я читаю в газетах о тысячных манифестациях японской молодежи, о «маршах мира», которые движутся по дорогам Японии, о борьбе этого народа против американских баз, я знаю, что среди тех, кто не склонил головы, кто борется, есть маленькая девушка из Нагасаки, звонкоголосая Нагата. Есть ее друзья, которым я жали руки на московском вокзале. И, честное слово, я очень горд, что имею маленький зеленый листок, который символизирует борьбу за мир.

ДЖЕНТЛЬМЕН СНИМАЕТ ШЛЯПУ

Тесновато было в тот день в ложе прессы Центрального стадиона имени В. И. Ленина. На финальные спортивные соревнования фестиваля пришли репортеры и обозреватели многих газет, журналов, агентств.

Рядом со мной сидели двое: краснолицый толстяк в белой шляпе и молодой человек в куртке.

Диктор объявил, что сейчас будет дан старт финальному забегу на 5 тысяч метров, и назвал имена участников.

— Какого черта этот О'Нейл суется на беговую дорожку? — взорвался толстяк. — Он не умеет бегать и все равно проиграет!

— Джентльмену незачем так волноваться, — успокоил его юноша в куртке. — Сейчас они начнут, и мы все увидим.

И они начали. Первый круг, второй, третий... Определились лидеры — Владимир Депутатов, Александр Лукин, кореец Чо Сон Дин. Остальные растянулись ровной лентой, и только один все больше и больше отставал.

— Джентльмен прав, — согласился юноша. — Этот спортсмен действительно очень плохо бежит.

— Он просто не умеет бегать, я знаю.

Толстяк наклонился к уху своего собеседника и что-то зашептал. Молодой человек улыбнулся.

— Мне нравится его упорство, — сказал он.

— Чепуха, — снова разгорячился толстяк. — Он просто упрямец.

— Мне кажется, вы не правы.

— Нет, прав. Увидите... Пари! Если он сорвет хоть дюжину хлопков, я готов снять шляпу.

— Ловлю вас на слове, — снова улыбнулся молодой человек.

Бег между тем подходил к концу. Скоро Депутатов сорвал финишную ленточку и унес ее на плече, развешивающуюся, как вымпел. Один за другим пришли к финишу и остальные. Лишь один, последний бегун, был еще далек от цели. Ему предстояло пройти целых полтора круга. Смолкли аплодисменты, которыми зрители награждали победителей, и с трибун послышались свистки — обидная оценка отставшему.

Но тут шелкнул репродуктор, и над стадионом загремел дикторский бас:

«Последним заканчивает бег Даниэль О'Нейл из Канады. Даю справку. О'Нейл не бегун. У него другая спортивная специальность. Но руководители спортивного союза под угрозой дисквалификации запретили О'Нейлу выступать в фестивальных соревнованиях

в своем виде спорта. О'Нейл вынужден подчиниться, но он решил все же принять участие в соревнованиях на беговой дорожке, чтобы продемонстрировать свою солидарность с молодыми спортсменами всех стран».

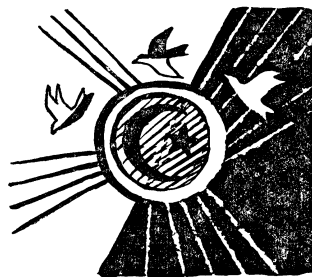
Диктор умолк. Молчал несколько мгновений и стадион. А потом случилось невероятное. Колыхнулось на трибунах, и все зрители встали. Гром аплодисментов наполнил чашу Большой спортивной арены.

И когда смертельно уставший, едва держащийся на ногах О'Нейл перешагнул, наконец, черту финиша, его окружили десятки людей, жали ему руки, дарили цветы, просили автограф.

— Ловлю джентльмена на слове, — повернулся к своему соседу юноша в куртке. — Не угодно ли снять шляпу?

Через несколько минут, когда буря вокруг канадца поутихла, я подошел к нему.

— Я проиграл бег, как и следовало ожидать, — сказал О'Нейл, расписываясь на моей помятой программе, — но зато выиграл дружбу.

НЕЗАВИСИМОСТЬ ДО КОНЦА

Подходил к концу четырнадцатый день Московского фестиваля. В Центральном парке уже отшумели вальсы, конкурсы и песни большого фестивального карнавала. Только со специальной баржи, что стояла на середине реки, еще неслись к небу красно-зеленые огни прощального праздничного салюта.

Парк затихал. Но на главных аллеях было еще много людей — гости Москвы не спешили домой, ведь времени впереди оставалось совсем немного. Еще день — и закроется фестиваль.

Я сидел на скамейке в Ландышевой аллее. Рядом со мной опустился худощавый юноша-араб.

Он беспокойно поглядывал по сторонам. Видимо, потерял своих.

Я вынул сигарету, араб чиркнул зажигалкой. Повод для знакомства вполне достаточный.

— Египет? — спросил я.

— Но.

— Ирак?

— Но.

— Тунис?

— Уи, уи, Тунис, — улыбнулся сосед.

Калед Шабунни оказался студентом из Бизерты, активистом студенческого союза, который много лет боролся за независимость страны.

— Теперь мы сами хозяева у себя дома, — говорил Калед. — Вот уже больше года. Но французы еще пытаются ехать на нашей арбе. Лучшие земли до сих пор в их руках. Поэтому союз продотжает борьбу. Наш девиз — независимость до конца. Запомните эти слова. Они еще прогремят по свету. — Калед взглянул на мой жетон с надписью «пресса» и добавил:

— Вам еще придется написать об этом несколько строк.

(Окончание на стр. 16)

СУРОВЫЕ КИЛОМЕТРЫ

В. СМЕРНОВ, наш спец. корр.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Кое-что о романтике и шоферской работе

Ночь. Звездное полотно лоскутьями падает на горные цепи. Машина, задыхаясь, втаскивает себя на перевал. И тут с высоты открывается удивительная картина.

Внизу во тьме ползут светляки. Парам. Два светляка. Еще два. И вдали — еле различимые, цепочкой. Это машины поднимаются по горным дорогам. Темнота, пустота, и в ней живое движение светляков.

Кажется, они идут к звездам, словно космические корабли, запущенные по сложным орбитам. Вот одна пара светляков коснулась неба. Еще немного — и огни до-

стигнут края Большой Медведицы. Еще одно усилие...

Там, за стеклом кабины, отражающим звездный свет, усталое молодое лицо шофера. Он и не подозревает, что так близок к созвездиям.

Вот так же некто из другого поколения поведет свой звездный корабль к Медведице, Лебедю и Стрельцу. И у него будет такое же простое и усталое лицо. Лицо труженика. Потому что лететь к звездам — это работа. И нелегкая, как всякая работа.

Наверно, так и рождается романтика — из ощущения слитности завтра и сегодня, мечты и яви. Будущее смыкается с настоящим зачастую гораздо теснее, чем мы думаем. Каждый рассветный ветер — прикосновение начинающегося завтра. Романтика — состояние взлета, когда уже запу-

щены двигатели и земля соединена с небом напряжением мышц человека и стальной волей машины.

Будничные хлопоты не могут заслонить от нас звездный блеск. Каждому доступно состояние взлета. Каждый может быть близок к созвездиям.

Как эти ребята, о которых пойдет рассказ. Водители. Хлопцы с мозолистыми руками рабочих и сердцами мечтателей.

Профессия водителя возникла на самой романтической почве. Первый шофер, человек в марсианских очках, шлеме, пыльнике и крагах, возбуждал не меньшее любопытство, чем в наши дни космонавт. Постепенно профессия потеряла экзотическую окраску и приобрела обычный рабочий облик.

Возможно, с десятилетиями

Из очерков «На сибирских трактах».

такое превращение произойдет с профессией пилотов космических кораблей.

Но подобные превращения вовсе не убивают романтику. Можно ли уничтожить жажду мечтать? Ощущение романтики возникает не от внешних эффектов, у него глубинные истоки. Это отношение к своему делу, к жизни. Романтикой овеяны подвиги наших современников — пилотов и комбайнеров, моряков и горнопроходчиков, целинников и строителей.

И шоферов.

У нас в стране — миллионы шоферов. Это одна из самых распространенных профессий.

У нас быстрые и могучие машины, способные перевозить любые грузы, нежные тропические плоды, боящиеся даже прикосновения рук, пятидесятитонные фермы — детали будущих мостов и бетонные кубики, которыми строители закрывают путь могучим рекам.

Новые и новые машины каждое утро выходят на дороги. Колеса страны убыстряют бег. Каждый день с конвейера соскакивают, блестя свежей краской, полторы тысячи автомобилей. Они уходят с заводского двора в странствия, ближние и дальние. Их ждут отороченные нежной зеленью берез шоссе Подмосковья и грунтовые тракты Забайкалья.

Каждое утро сотни миллионов лошадиных сил оживают в горячем движении поршней. Каждое утро работают стартеры Сахалина и Норильска, Бухары и Памира. География нашего автомобилем обширна, как обширны просторы страны. Шоссе проникают всюду, даже в районы, еще вчера считавшиеся неприступными. Асфальт и бетон ведут наступление в темпе семилетки.

Есть среди шоферов особый отряд — дальнерейсовики. Это те, кто из всех существующих дорог выбрал самые длинные. Дорога — постоянное рабочее место дальнерейсовика, дом для него, как и для моряка, — пристань.

У водителя не может быть ссылок на бюро прогнозов. Он работает в пургу, слякоть, мороз, при штормовом ветре и ливневом дожде.

Он перевозит хлеб целины. снабжает строителей Якутии металлом, одеждой, продуктами. Сквозь снега пробивается к далеким геологическим партиям. Везет по пустыням стальные трубы для нефтяников. У него «световой» рабочий день. Чтобы успеть, ему нужно работать от света и до света. А иногда и ночью.

Только человек, влюбленный в свое дело, только романтик способен быть таким водителем.

Настоящая любовь не облакает себя в чешую громких фраз. Истинное чувство скрывается за оболочкой иронии или шутки. Шо-

фер называет свою машину «четвертаком», «газоном», «козлом», прицеп он именует «телегой», бензовоз — «бочкой». Мотор у него не работает, а «фурычит», «контачит» и «волокет». Он не возит грузы, а «забрасывает» и «подкидывает».

Это уже, так сказать, особенности профессиональной терминологии. Но надо знать и эти особенности, иначе за иронией не разглядишь любви. А за будничными хлопотами — пафоса созидания.

Надо подняться на перевал, чтобы разглядеть, как близко мы подошли к звездам. Надо проникнуть в самую суть шоферской работы, чтобы разглядеть ее высокий смысл и романтическую наполненность.

Плата за мужество

Турбину грузили на трейлер пять часов. Кран, поднатужившись, поднял ее в воздух, и она повисла над платформой, в голубом небе, сверкая светлой краской. Она повисла, как капля, с такой же неминуемостью падения. Если, конечно, бывают капли весом в сорок тонн.

Но капля не упала. Кран, поиграв с турбиной, мягко опустил ее на трейлер. Рельс, на который должна была лечь турбина, треснул от тяжести, как щепка под гирей.

— Ничего себе деталька, — сказал Макаренко.

Пришлось начинать сначала.

Через пять часов турбина усеялась на трейлер. Окружая, породная, она важно сидела на своем железном троне.

— Царица! — сказал Макаренко. — Как мы ее, матушку, доведем?

— Все шутишь! — заметил Танке. — Тебе, гладкому, все шутки.

Турбину привязали тросами к трейлеру, чтобы предупредить ее дорожное буйство.

«КРАЗ» набирал скорость.

Теперь их осталось двое: Макаренко и Танке. Длинный и широкий нос автомобиля втискивался в шоссе все быстрее и быстрее. Встречные машины вежливо прижимались к обочинам. Шоферы затыкали уши и долго глядели вслед дизелю. Они знали, что ожидает водителей «КРАЗа» на долгом восьмисоткилометровом пути.

Горы.

Дорога лежала на хребтах с причудливостью второпях брошенной телеграфной ленты. Дорога выписывала крендели, танцевала среди обрывов, лезла на перевалы, падала в распадки и снова лезла вверх, к небу, для нового падения.

Реки.

Потеплевшие от весеннего ды-

хания, они размывали лед, и в голубых зеркалах промоин уже лежало апрельское желтое солнце.

Мосты.

Старые деревянные мосты, которые отвечали каждой машине стоном и хрипом. Мосты, которые строились в те времена, когда в здешних местах не было ни «КРАЗов», ни турбин.

Каждому, кто глядел со стороны на «КРАЗ», казалось, что за рулем этой машины должны сидеть люди необыкновенного роста и чрезвычайной физической силы. Но Саша Макаренко и Тиша Танке вовсе не были необыкновенными людьми.

Саша Макаренко слыл на тракте первым балагуром и насмешником. Кабина «КРАЗа» была для него слишком просторной, а руль — непомерно большим. В Саше было сто шестьдесят три сантиметра роста. Рядом с ним молчаливый сухопарый Танке казался особенно высоким, особенно худым и особенно немногословным. В их характерах не было ни одной черточки, которая роднила бы их. Но вместе они представляли таранную силу.

Этот рейс был для них внеплановым и неожиданным. Вообще этого рейса не должно было быть.

Их подняли ранним утром, еще в сумерках, как по тревоге. Ребята отсыпались после тяжелых зимних рейсов. «КРАЗ» отдыхал во дворе гаража в самом дальнем углу, среди грузовиков — массивный буйвол, случайно забредший в загон для овец. Каждую весну с потеплением «КРАЗ» уходил в этот загон. Он мог работать только зимой, когда на реках лежал лед стальной прочности. Мосты не выдерживали тяжести «КРАЗа». Весна разъединяла Сашу Макаренко и Тишу Танке.

Ранним утром, в сумерках, Тиша Танке прыгал на одной ноге натягивая сапог, и ворчал, как умеют ворчать шоферы, когда они сердиты. Он ворчал, имея в виду начальство, стоявшее перед ним в лице диспетчера, и заодно Сашу Макаренко, потому что за зиму он привык ворчать на своего напарника и не сразу расставался с этой привычкой.

Диспетчеру было двадцать лет. Он пришел к шоферам как секретарь комитета комсомола и как человек, ответственный за доставку грузов на тракте.

— Ты пойми, — говорил он и бил себя в грудь. — Турбина. Ночью. Никто из нас и не думал... А на стройке ее знаешь как ждут. Сейчас не вывезем —

останется до зимы. А что такое стройка без энергии? Что такое комсомольская стройка без электрической энергии, скажи ты мне?

И вот они мчатся по тракту навстречу горным рекам и перевалам. Турбина давит на задние колеса дизеля всеми сорока тоннами. Нос машины подпрыгивает на неровностях асфальта, как легкий катер на волне.

Теперь за рулем Танке. Краем глаза он высматривает в боковом зеркале убегающий назад тракт.

Танке... Разумеется, шоферы зовут его Танком. На курсах шоферов, когда Тиша был совсем зеленым и в уголках его глаз не собирались стайкой морщины, ребята звали его Танкеткой. Прадед Тиши, Стефан Танке, прибыл в Сибирь по этапу — он участвовал в восстании против царя. От Стефана и пошли сибирские Танке — революционеры и красные командиры, механики, шоферы и трактористы. Им, сухопарым, крепко битым, настойчивым, хорошо пришлась резкая и звонкая, как броня, фамилия — Танке.

Смеркается. Ветер гонит по шоссе пыль — розоватую в закатных лучах. Над заснеженными сопками светлеет тонкое лезвие новенького месяца.

— Молодик ветерком обмылся, — замечает Макаренко. — Жди тихой погоды.

Краснеют в сумраке кабины огоньки папирос. Макаренко оглядывает панель. Стрелки приборов ведут себя, как прилежные ученики на экзамене. Мотор здоров.

Они, Танке и Макаренко, знают, что стоит добиться прилежания стрелок. Рука Саши, в которой тлеет папироска, покрыта синеватыми шрамами, светлыми ссадинами и розовыми следами тех ожогов, которые оставляет морозный ветер на коже, смоченной бензином.

— Ты кино такое, «Плата за страх», смотрел? — спрашивает Макаренко. Он спрашивает об этом не в первый раз. Надо же занять молчаливого товарища. Без разговора и дорога длинней, и глаза слипаются, и руки тяжелеют. Сам Макаренко и пяти минут не высидит молча.

— Смотрел.

— Во шофера, а?

— Да ну, шофера! Из-за денег...

Потом они говорят о других кинофильмах: «Адские водители», «Крутой поворот», «Там, где кончается асфальт». Макаренко не пропускает ни одного фильма о шоферах.

Ночь ложится на землю тихо и бесшумно, как черный парашют. Светлая дорожка от фар бежит впереди машины. Макаренко пересаживается за руль и до отката топит сапогом педаль акселера-

тора. Надо успеть. Надо спешить, пока не вскрылись реки. Пока гололедица не легла на дорогу блестящей лентой. Танке, кое-как свернув клубком свое длинное нескладное тело, укладывается на горячее жестяное днище кабины. У него отдых.

— Тиш, а Тиш!

Танке не отвечает. Ему положен отдых, и он должен отдохнуть. Он должен заставить себя отдохнуть на этой горячей сковородке, которая заменяет ему постель. Пунктуальный водитель Тиша Танке.

Тогда Макаренко запекает песню. Он сам сложил эту песню, когда еще только приехал в Сибирь с Украины, — потом песня стала кочевать по тракту.

Я на «КРАЗе», друг на «МАЗе»

Идем!

«КРАЗ» с грохотом и ревом ползет на сопку. Стрелка спидометра все ниже и ниже кланяется нулю. Днище раскаляется от огненного усилия мотора, и Танке беспокойно ворочается под ногами Макаренко.

— Это еще чепуха, — бормочет Макаренко. — Так, дурныща, а не гора. Настоящие горы впереди.

Впереди у них все: реки, горы и гололедица на перевалах.

Первая река. Она хлюпает, хрюкает, шуршит — в «окнах», пробитых чьими-то колесами и солнечными лучами выются-перевиваются жгуты быстрой и чистой горной воды. Солнце еще не вышло, оно бродит где-то за пушистыми рассветными облаками, но горы — они развертываются за рекой, как декорация, — уже розовеют, легкие, утренние горы, словно дымки.

«КРАЗ» стоит у самого берега, упершись тяжелыми колесами в гальку. Он стоит, как собака у неостывшей миски, — он ворчит всеми цилиндрами, и его тупо обрубленный нос выражает и готовность к прыжку и боязнь.

С высокого и хрупкого деревянного моста, стоящего на тонких мухоморных ножках, за шоферами наблюдает начальник гидропоста.

— Бесполезно! — кричит он. — Тут до вас «Зилон» сидел. Бесполезно!

— Помолчал бы, — бросает Макаренко. — Наблюдатель!

Макаренко и Танке долго ходят по льду, нагибаются к полыньям, деловито прицениваясь, щупают холодные закраины. Они не имеют права идти на явный риск. Утопшишь турбину — не вытащишь. Нет здесь такого крапа, чтобы вытащить из реки соркаторную турбину.

Но они не имеют права задерживаться.

Тиша Танке сгибается над по-

лыньей. Он рассматривает сквозь прозрачную воду каменистое дно.

— Принеси-ка прутки.

Саша подает ему длинную хворостину, гибкую, как удилице. Танке опускает хворостину в промоину. Надо узнать, где здесь, на этой реке, самые глубокие места. Где глубоко, там течение тише. Где тише течение, там толще лед. Где толще лед, там и переправа.

Наконец трасса намечена. Танке становится на другом берегу, изображая вешку. На него должен взять направление «КРАЗ». Танке стоит, вытянувшись, ничем не выдавая волнения.

— Из тебя хороший столб получится! — кричит Макаренко с подножки дизеля. — Телеграфный!

Танке, очень серьезный, посылает напарнику кулак. Ему, Макаренко, все шуточки! До чего необстоятельная личность.

— Разгон больше! — кричит Тиша. — Гони вовсю!

Макаренко машет рукой: «Знаю». Он дает обороты двигателю. Взрывное эхо прокатывается по реке и убегает куда-то к горам. «КРАЗ» кидается вниз, как ныряльщик. Он катится по льду прямо на Тишу Танке. Все это длится несколько секунд. Передние колеса уже хватают пологий берег. Вслед за ними выскакивают все шестнадцать колес трейлера. Пыхают сжатым воздухом тормоза.

Готово.

— Лиха беда начало! — говорит Макаренко напарнику. Тот усаживается на сиденье. — До-стань-ка термос, Тиша. Что-то пить захотелось.

Гололедица начинается, когда машина вкатывается в горы. Сначала легкие и светлые, они темнели на глазах и росли, росли, и вот уже нет горизонта, а вокруг — тяжелые каменные утюги, присыпанные снегом, покрытые ершистым покровом лиственниц.

В горах много снега, но мартовское солнце жжет и здесь. На северных, затененных склонах тракт покрыт влажной ледяной корочкой. Дизель с ревом катит турбину на подъем. Но вот колеса начинают беспомощно вращаться на одном месте. «Вву-вву-вву», — поет двигатель. Машина не находит точки опоры. Трейлер заносит куда-то в сторону. Танке выворачивает руль.

— Саша!

Макаренко на правах второго пилота отжимает назад рукоятку межосевого дифференциала. Теперь задние колеса должны вращаться одновременно.

Раз — включен и рычаг де-мультипликатора. Мощь машины возрастает.

«Вву-вву-вву», — продолжает реветь дизель.

— Саша!

Макаренко выскакивает из кабины, ноги его разезжаются и скользят на льду. Он выдирает из-под обоймы запасного колеса, за кабиной, лопату. Это тяжелая экскаваторная лопата с хорошо развитой челюстью. Ворочать ею может человек, знакомый с тем, что такое мозоли. На трейлере — кучи песка. Макаренко сыплет песок под колеса.

Лопату за лопатой, вытирая пот замасленным рукавом тело-грейки.

Танке осторожно отжимает сцепление и чуть увеличивает подачу топлива в форсунках. Теперь нужно поймать момент, чтобы колеса дрогнули чуть-чуть и не пробили сквозь песок ледяной лунки. И чтобы не заглох мотор на малых оборотах. Надо сдвинуть с места эти пятьдесят тонн, вцепившиеся железной хваткой в хвост тягача. Сорок тонн турбина, и десять тонн трейлер.

«Врр-врр-врр», — рычит дизель. Это уже не вой, это ласковое рычание. Колеса дрогнули и потянули трейлер. Турбина величественно поплыла среди лиственниц. Горы заиграли эхом от двигателя, как шариком.

Через минуту-две снова вой дизеля.

— Саша!

Лопату за лопатой — песок. Шаг за шагом рядом с колесами — осторожно, чтобы не поскользнуться и не растянуться под рубчатой шиной. Кончается песок на трейлере — остановка. Поиски ближайшего фанерного щита с надписью «Подсыпка». Там под снегом горки золотистого песка. Люди с осени позаботились о тех, кому придется буксовать весной.

Танке за рулем — Макаренко за лопатой.

Макаренко в кабине — Танке кидает под колеса песок.

Так встречают их горы.

Подъем длится до сумерек.

Макаренко спит в ногах у Танке. Он вздрагивает, что-то бормочет и бьет ногой по щиколотке напарника. Это Макаренко во сне нажимает на тормоза. Он делает то, что делает и Танке. Только Танке наяву, а его приятель во сне. Потеха...

Машина бежит вниз, нагоняет время, упущенное на подъеме по ледяной дороге. Тракт петлями спускается с Лысой. Лысая — это первая большая гора. Она позади.

Вираж. Шипит воздух в тормозах. В лучах фар мелькает восклицательный знак: «Прочие опасности». Черный восклицательный знак в желтом треугольнике. Когда те, кто придумывал дорожные знаки, изобразили на них локомотив, грузовик, человека с лопатой, детей, зигзаг, круг, когда они исчерпали всю свою фантазию, они обратились к восклица-

тельному знаку — символу, скрывающему за собой все опасности, которые могут встретиться в дороге.

Над всей этой дорогой следовало повесить восклицательный знак. Такой гигантский знак, точка которого лежала бы где-нибудь на горной вышине, а эта самая палка над ней, похожая на жезл регулировщика, уходила бы куда-нибудь в облака.

Это был бы знак!

Танке тормозит. Еще один вираж. Надо вписаться в него, повернуть «телегу» так, чтобы ни одно колесо не заехало в предательскую гладкость снега, скрывшего под собой кювет. Особым внутренним зрением, свойственным опытному шоферу, Танке определяет положение каждого из десяти колес «КРАЗа». Каждого из шестнадцати колес трейлера. Левее. Еще левее. И вот теперь, когда, казалось, переднее колесо захватило кромку кювета право руля. Вот так. И еще вправо. Теперь можно добавить газу. Время не ждет.

Это его одиннадцатый рейс за зиму. А всего должно быть десять. Но это — одиннадцатый. Внеплановый. Это рейс-сверхсрочник. С белыми нашивками, как и положено сверхсрочнику.

...Какими еще нашивками?

Танке трясет головой, отгоняя сон.

Ему предлагали перейти на стройку. Там тоже есть дизеля. Еще побольше этого. «Четвертки». Они легко берут в свой ящик

двадцать пять тонн. Рабочий день на стройке строго отмерен графиком. Семь часов. И дом рядом. Отработал — прими душ в гараже и катись восвояси. Хорошо. Ну, а кто будет возить турбины и бульдозеры? Разве он не на стройке? Он на стройке. Только, может быть, о нем не вспомнят, когда закончат эту электростанцию и комбинат. Его не будет на митинге строителей. Он наверняка будет в рейсе в этот день.

И, кроме того, он любит горы. Он любит этот тракт. Конечно, есть на свете более легкая работа. Можно найти более легкую работу. Но он любит свое дело. Он любит, взобравшись на перевал, глядеть вниз, на блуждающие огоньки машин. Любит ветер, и горные реки, и эти крутые виражи. Он любит даже, когда его будят по ночам. Конечно, он ворчит, если его будят по ночам. Но ведь не каждого будят между двумя и тремя ночи. Только того, кто очень нужен. Хирурга, который — только он один — может сделать сложную операцию на сердце. Инженера, который может спасти город от наводнения. Будят летчика, который должен обезопасить небо от врага. Будят его и Макаренко, дизелистов, дальнерейсовиков.

Из-за поворота выползают фары встречного автомобиля. На секунду они слепят глаза и тут же гаснут. Алый свет от раскаленных нитей растворяется в ночи. Шофер, почуявший впереди большую машину, прижимается

к обочине. Миролюбиво светят подфарники.

Танке тормозит.

— Как там впереди?

Шофер кричит, пересиливая рокот дизеля:

— Скользко! Очень скользко. Сидит уже один в кювете.

Шофер оглядывает тускло мерцающую светлой краской турбину.

— Ну и кастрюля!

машина работает, справа от нее бушует белый водопад.

Нет ни снегоочистителя, ни бульдозера. И нет времени ждать, когда они придут. Может быть, они придут через день. Может, через два.

— Нам бы радиотелефон, — говорит Макаренко. — Позвонил по ноль-один вызвал помощь.

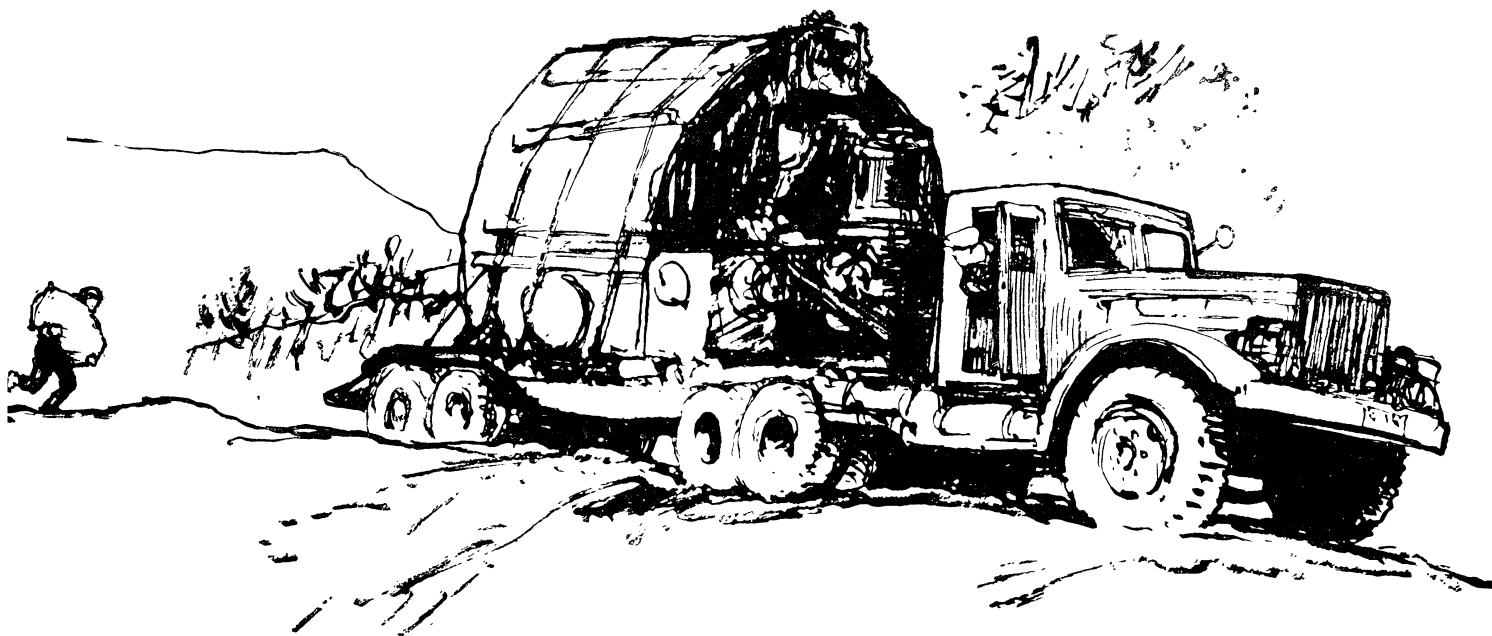
— Болтаешь! — раздраженно отвечает Танке. — Нет тебе покоя.

за дни ожидания вскроются реки? Их никто не будет судить, если не доставят турбину на стройку. У них будут объективные причины...

— Выдержит! — после долгих исследований решает Танке. — Запас есть.

Он вколачивает обухом вылезший гвоздь. Еще целый час они подправляют мост то тут, то там.

Потом, когда «КРАЗ» стоит по

Танке нагибается к Макаренко: — Саша, вставай. Опять подъем.

Макаренко вскакивает, протирает глаза.

— Поехали.

Мост. Старый деревянный мост — доски потемнели от ветров и дождей, перила покосились. Перед мостом столбик, на столбике жестяной диск. В диске цифра «15». Мост рассчитан на пятнадцать тонн. Более тяжелая машина может сломать ему деревянный хребет.

Рядом с мостом должен быть объезд для «КРАЗа». Здесь был недавно объезд. Но сейчас объезда нет. Вырытый в слежавшемся снегу коридор доверху забит пушистым свежим снежком. Здесь прошли снегопады и поработали ветры. Они всегда дуют в этом ущелье.

Надо вызывать бульдозер. Надо вызывать снегоочиститель. Впереди, низко над землей эта машина несет железную челюсть. Она съедает снег с прожорливостью доисторического чудовища. Когда

— Плохо тебе было бы без моей болтовни, — замечает Саша. — Завял бы, как тюльпан в солярке.

Они идут осматривать мост. Каждый сибиряк — плотник. Даже если он имеет дело только с железом, он должен знать толк в дереве. Без этого здесь не проживешь.

Они ощупывают мост, как придиравые покупатели на ярмарке. Проверяют каждый держак и каждый гвоздь. Ковыряют мозолистыми пальцами труху.

Вообще-то раз перед мостом стоит ограничительный знак, ехать по нему нельзя. Это будет грубейшим нарушением всех инструкций. Если об этом кто-нибудь узнает, им крепко дадут по шее. Если что-нибудь случится с мостом, они будут нести ответственность за ДТП — дорожное происшествие. Это не игрушка — паровая турбина мощностью в несколько тысяч киловатт.

Однако какое дело тем тысячам строителей, которые их ждут, до запрещающего знака и всех шоферских переживаний? А если

ту сторону речушки, они снова возвращаются к мосту с топорами в руках. Надо навести порядок, если что-либо нарушено жестокими колесами дизеля. Не потому, что надо скрыть следы нарушения. Просто они хозяева и должны заботиться о том, чтобы везде на тракте была чистота. Особенно на мостах. Мосты — это плечи дороги. Они несут на себе главные тяжести.

В левом баке плещется на дне солярка. А в правом баке вместо двухсот литров солярки двести литров воздуха, правый бак пуст. Горная дорога, гололеда и объезды съели все горючее, положенное им по норме.

Макаренко работает воздушным насосом, накачивая в форсунки остатки топлива. Километровый столбик, высунув из сугроба жестяные белые крылья, заглядывает в кабину и уходит назад. Еще один столбик. Тяни, тягач, тяни.

Тахометр предупреждает. Обороты падают. Форсунки судорожно глотают последние порции го-

рючего. Танке чувствует, как снижается сила двигателя. Одна за другой вылетают из упряжки лошадиные силы.

«Чи!»

— Закурим...

Что еще остается делать шоферу в такую минуту? Надо посидеть, пораскинуть мозгами. Только теперь, в непривычной тишине, чувствуешь, как набрякла тяжестью каждая мышца, как устал каждый шоферский нерв.

До заправки пятьдесят километров. До заправки — ни дома, ни заимки. Вот как бывает в шоферской судьбе: спешишь, ведешь счет каждой секунде, а потом случается непредвиденное, и ты... куришь себе в кабине. И дым не сладок тебе, а горек, будто в папиросу набили полыни.

Солнце стоит в зените. Горные снега ослепительны. Потрескивает, остывая, мотор.

Дорога прямо уходит в гору. Она пересекает склоны черной веревкой и теряется где-то в кедраче.

Вот из кедрача выпадает зеленая капля. Она катится вниз, видны уже зеленая кабина и солнечные отблески на краске.

— Новенький «газон», — замечает Макаренко. — Здорово волоклет.

«Газик» весело мчится навстречу остывающему «КРАЗу».

— Стой!

«Газик» тормозит. Из кабины высовывается молодое розовое лицо. На дверце нарисован красный флажок: «Ударник коммунистического труда».

— Привет ударнику от ударников.

Макаренко протягивает юнцу пачку «Беломора». Это вроде верительной грамоты при дипломатическом знакомстве. Без «Беломора» не начнешь серьезный разговор.

Но парень отказывается.

— Не курю.

— Так, так... медицину уважаешь. Спешишь?

— Спешу.

Танке не в силах вынести дипломатии Макаренко:

— Ты лясы не точи. Прямо объясни человеку.

Макаренко вздыхает и объясняет. Солярка кончилась. Надо съездить на станцию и привезти бочку. Или хотя бы две канистры. Вот, собственно, и все.

У парня вытягивается круглое лицо.

— Обратно ехать? У меня график...

Он нажимает стартер.

— Ну его! — Танке машет рукой. — Сквалыга.

Макаренко вскакивает на подножку «газика».

— Слушай, парень, ты знаешь, что такое комсомольская стройка без электрической энергии? Да заглуши ты мотор...

И он объясняет, что такое стройка без энергии. Потом он объясняет, что такое, по его мнению, ударник коммунистического труда. Это, считает Макаренко, не просто гонять по графику. Это не просто театры посещать и читать новинки литературы. Для этого надо за душой кое-что иметь...

— Хватит политграмоту читать, — говорит парень. — Садись в кабину. Поехали.

У последнего перевала забавное название — Пыхтун. Здесь, в горах, два перевала со смешными именами — Смехтун и Пыхтун. Какой-то острый на слово человек, вроде Саши Макаренко, дал перевалам прилипчивые имена.

Тот, кто сумел вылезть на Пыхтун, может считать себя победителем. Будут еще горы и сопки, но куда им до этого перевала! Так, мелочь.

Искрятся острые вершины трехтысячников, а в распадах уже тень. Третью ночь встречает «КРАЗ» на пути к стройке.

На Пыхтуне снова гололедица. Макаренко медленно подводит дизель к виражу. За нависшей скалой дорога делает крутой поворот, карабкаясь к седловинке. С одной стороны скала, с другой почти отвесный обрыв. Здесь растет кедрач — значит, высота порядочная. Кедровые любят высоту.

Сказывается усталость. Руль делает попытку вырваться из натруженных рук. Танке рядом с Макаренко сидит, утопив подбородок в воротнике. Голова его отсчитывает такт, как метроном. Глаза полускрыты. Макаренко осторожно начинает вписываться в поворот.

Колеса вдруг срываются, словно им надоела черепашья осторожность. Они жаждут скорости. Они кружатся на скользкой ледяной корке.

Буксовка на крутом вираже.

— Тиша, песок!

Танке хватается лопату. Но песка нет — израсходован.

Здесь, на трейлере, должен быть еще мешок с цементом. Он только что лежал здесь... Выпал. Где-то неподалеку. На вираже.

Танке бросается вниз по дороге. Падает на льду. Катится. Вон там, в двухстах метрах, бумажный мешок.

Макаренко еще удерживает машину на крутом склоне. Стрелка тахометра падает.

Где этот Тиша Танке, длинный черт?

Тиша бежит вверх, хватая ртом горный холодный воздух. Он прижимает к груди тридцатикилограммовый мешок.

Ну, быстрее, быстрее! Ноги подгибаются. Когда-то Танке хо-

рошо бегал стометровку. Но только без мешка с цементом. Бегать стометровку с мешком цемента на руках — этому его нигде не учили.

Двигатель глохнет. Схваченные тормозами колеса медленно утюжат дорогу, оставляя за собой черный лоснящийся след. Шестьдесят пять тонн железа едут к обрыву.

И в эту секунду, почти падая, Танке высыпает мешок под колеса. Тягач как будто натывается на стенку. Он застывает. От черных колес идет пар.

Серый спасительный порошок надежно скрепил дорогу и колеса.

...На четвертые сутки «КРАЗ» остановился у длинной избы-пятистенки, над окнами которой алело полотнище с белыми буквами: «Добро пожаловать». «КРАЗу» предстояло одолеть еще не одну сотню километров, но самые опасные реки и самые высокие горы позади.

Турбина будет на стройке. Тысячи строителей, которые ждут ее, могут быть спокойны. Турбина будет вращаться. Пусть только не жалеют для нее пару.

Шатаясь, Макаренко и Танке вошли в заезжую.

Шоферы сидели за дощатым столом и ужинали. Консервные банки сияли под голый электрической лампочкой серебром жести, Пахло свежим чаем и хлебом.

— Я на «МАЗе», друг на «КРАЗе»! — заорал кто-то из шоферов, увидев Макаренко.

И замолчал.

Макаренко приветственно поднял руку. Лицо его изобразило что-то близкое к улыбке. Он и Танке прошли в одну из комнат и захлопнули дверь. Водители молча глядели им вслед.

Шофер может понять шофера без слов.

Потом один из шоферов взял тетрадь, в которую записывали жалобы и пожелания, вырвал листок в косую клетку и, крупно, красным карандашом вывел надпись, прилепил хлебным мякишем листок на дверь:

Не требовать,
не стигать.
Спать ребята
с КРАЗа

Да!

Нет!

Человек будит веками дремавшую целину, останавливает кочующую орду барханов, укрощает строптивые реки. Люди «должны оставить ее улучшенной следующим поколениям», — говорил Карл Маркс о земле.

И молодые труженики преобразуют землю во имя настоящего, во имя будущего, во имя мира.

Природе, как и людям, нужен мир. Пашням и дубравам, саваннам и джунглям.

Молодежь против того, чтобы гусеницы танков уродовали поля, кованые сапоги топтали землю, рев реактивных бомбовозов заглушал пение птиц.